

«Пустой престол: к вопросу о ментальной сцене, событии и к прояснению поэтических задач»

Яков Подольный

И трон оказывается пустым не только потому, что...

Джорджо Агамбен, «Царство и Слава»

//

рассеялось
слово
сия

~

|

Что сообщается в поэтическом тексте? Точно не сюжет, не история, не мысль и даже не чувство. Можно сказать, что в поэтическом тексте сообщается событие. Но что такое это событие? Если подняться над представлением о назидательности, свидетельствовании, самосвидетельствовании, исповедальности и если не впасть в ловушки прямой идеологической агитации и ангажированности, то вопрос этот оказывается весьма нетривиальным.

В критике часто можно встретить представление о том, что событие, и особенно лирическое событие, представляет собой изменение состояния субъекта, восприятия им мира (скорее уже произошедшее, чем производимое), и оно сообщается читателю в тексте в большей или меньшей степени развернутости.

Такое представление вполне уместно, но не отвечает моим задачам потому, что в нем исходной является установка на внутреннее пространство и на субъект (как пишущего, так и читающего) как на изначально заданные и лишь претерпевающие те или иные изменения под воздействием манипуляций (приемов). Можно представить себе одно тело (сообщение), ударяющееся о другое (субъект восприятия). Тело, претерпевающее воздействие, хорошо защищено, обладает достаточной упругостью, чтобы, испытав этот эстетический удар, постепенно выпрямиться и, может быть, сохранить лишь приятное воспоминание о случившемся, но прошедшем относительно бесследно потрясении.

Преодолевая многоуровневые защиты, сообщение достигает воспринимающего за счет своей заряженности (импульса), а воспринимающий позволяет ему себя коснуться за счет эпистемической и эстетической установки открытости к переживанию, имеющему отношение к чувственным горизонтам истины и бытия.

/

Обнару живая

вн утренн ее

бес крайно

чувствую щая

поверх ность.

~

Я же предлагаю иное видение: субъект не разворачивает текст, как конфету (раскодировка сообщения), не входит в текст, как в упаковочный цех (кодировка). На пороге текста нет в отчетливой форме ни субъекта, ни объекта, ни комнаты, ни предмета для сообщений-манипуляций.

Порождение ситуативной субъектности взаимно и обоюдно, как для пишущей или говорящей инстанции текста, так и для субъекта чтения этого текста. Эффект экспериментального поэтического пространства (по сравнению с иллюзионистскими эффектами более миметических жанров, подразумевающих «зрительскую» манеру участия) состоит в том, что оно создает тонкий и парадоксальный интерфейс между сознанием пишущего и читающего, в котором обе эти инстанции, оказываясь не совсем равны себе, проживают не столько и не обязательно даже некое событие, сколько сам факт собственного ситуативного становления в развертывании этого пространства и своего преображающего пребывания в нем.

//

При первом же ветерке забыва-я
как стоять и держаться прямо
сгибаюсь —

три погибели, две, одна:
случайность, судьба и форма.
Так завяжут, что и естественное неудобно.
Естество — искусство:
не добыть, но вспомнить.
Найти и заново научиться.
И снова забыть и найти,
самим поиском создава-я

Тогда при описании из режима сообщения мы можем перейти к режиму пребывания, нахождения, прохождения: то есть от категорий передачи (кодировки-раскодировки) к категориям переживания опыта. Способность поэта или, шире, *мыслеэкспериментатора* заключается в способности конструировать такие ментальные пространства-сцены для себя и, за счет их сообщаемости, для читателя.

~

Приходи и будь

И будь

И будь

И будь

И будь

И будь

Повторять по желанию сколько угодно

Промежутки — тебе для ритма

Делай в них то, что хочешь

Сколько захочешь

Уходи, как захочется

Возвращайся, когда захочешь.

И будь.

Я люблю тебя.

Эти пространства могут быть бесконечно разнообразными, в них могут действовать или не действовать законы обычной логики, время в них может быть направлено так или иначе, в них может быть самая разная каузация, связи могут быть сочинительные, подчинительные или какие-то иные.

Эти пространства могут быть горячими, холодными, их текстуры могут быть густыми или разреженными; те и то, кто выходит на эти сцены, могут быть существами разной степени антропоморфности или неантропоморфности. Иными словами, динамичные и меняющиеся сочетания условий-искажений безграничны и бесконечны в своем изобилии.

Однако относительно этой радикальной открытости следует сделать важнейшую оговорку: эти миры, пространства или сцены, как представляется, могут оказываться единственными и значимыми лишь в той мере, в какой в них содержится подлинный и живой опыт, который может ими быть сообщен. То есть их единственность и активность пропорциональна интенсивности содержащихся в них отношений с бытием и истиной.

//

Представьте, как острая тяга
входит в ваши суставы,

поселяется в них, выворачивает

наружу, , ничем не
уймется, , рождает
зияние, , разрывает

всякую плотность.

вы могли думать что это
по п т р н о у или
о е я н м

по тому что будет что будет
что будет что будет что будет

? ? — —

но нет но —

это
жизнь

— в чистом виде

Возможность считывать эти пространства обеспечивается нашей общей человечностью, точно так же как и возможность перевода с одного языка на другой и, если угодно, как и возможность реконструкции, рекодировки, регенерации, за счет которых сбывается получаемое сообщение.

Наше общее и единое антропологическое устройство делает возможными эти операции за счет ряда предустановленных настроек (сообщаемость, разделяемость и предвключленность другого в любой языковой и, шире, коммуникационный опыт).

Сверхтонкие инструменты сообщительности человеческого восприятия делают возможным развертывание разделяемой ментальной сцены между несколькими (чаще всего двумя) сознаниями, разнесенными, и порой очень далеко, во времени и пространстве, в конституирующем присутствии третьего — мира, истины. Особенно отзываемся мы на сцены-пространства, в которых считываем открытость, способность вмещать событие мысли, восприятия, бытия как такового.

По причинам, связанным с моей личной судьбой и с состоянием наблюдаемого мира, своей задачей сейчас я вижу постановку таких сцен-пространств, которые состоят преимущественно из места как такового, из самой возможности события и бытия, возможности ментальной жизни, мысли и мышления вообще. Я хочу, чтобы правила-ограничения и искажения, из которых строится общий мир и отдельные малые миры моего поэтического письма, служили этим целям.

//

Избиение мысли действием
или мыслеповтором
чтобы за ударом не замечать
мысли, чувства времени,

мира того, кто рядом,
избивая целостность,
просыпаться сквозь пальцы
песком раскаленного льда,
оплавляясь и оплавляя.

Я больше так не хочу. Больно

Создавая и отыскивая возможность мышления в мире, я надеюсь сообщить эту возможность и читателю — не как мысль, но как чувственное указание на возможность мысли — и сообщить в свернутом виде интуитивно-чувственную программу постановки особого пространства как шатра для мысли. Этим я надеюсь хоть немного облегчить нагрузку от грохота фоновых шумов, разредить перенасыщенность знаковой среды, приподнять лежащий на груди восприятия груз завалов — руин и обломков прошлого и будущего и их манящих фантомов.

/

Чтобы жила встреча,
освобождаю место
от дребезжаний
пустым руками
навстречу

Я ищу то, что может выступить противовесом этим и другим обстоятельствам, нещадно ошеломляющим нас в наш по-человечески

всегда единый и непреходящий момент, в котором, как и всегда, мысль и мгновения подлинного переживания бытия возможны, но требуют особых, исторически специфических техник и процедур. Поиском и разработкой этих процедур я и занимаюсь, и стремлюсь предложить читателю всегда неокончательные и интуитивно нащупанные плоды этих поисков — как «действующее вещество» или голограмму для развертывания во внутреннем пространстве чувствующего разума.

//

Это стихотворение я написал в уме
по чистому белому полю.

Прочитай его снова и снова.
Закрой глаза и напиши его —

на воде, на ментальной ткани,
на чем получится.

Что получилось?

Повторяй по желанию.
Теперь это твое внутреннее стихотворение.

II

Сейчас я возвращаюсь к этому тексту спустя полгода. Сама возможность этого возвращения и благословенна, и болезненна. Это разметка, след, разрез на течении времени. Она дает возможность накопления, концентрации, оседания вещества времени. Схваченные такой разметкой время и опыт могут накапливаться, но лишь в своем прохождении и уходе. Мало открыть скобку — рано или поздно скобка должна быть закрыта, иначе никакое логическое выражение не окажется возможным.

жизнь проходит

в прохождении

облаков

прохожих

все происходит

произойдет и это

уходит рядом

сказанное время

летит МИМО

летно

сквозь

цели

движения

следом

за ним

не успевает

зреет

спеет

к

зреванию

к

зрению

в след

линий

происходящих

III

Из всех насущных и мучительных вопросов нашего времени меня больше всего беспокоит вопрос, который чаще скрыт от зрения, потому что относится к процессуальным аспектам, а не к содержаниям: вопрос руинированности сознания и отсутствия внутренних каркасов и несущих конструкций, позволяющих ментальному пространству устанавливать, не склоняясь и не коллапсируя.

Шаткость, необнаружимость и часто недоступность этих конструкций, на мой взгляд, являются прямым следствием деконструктивного импульса и тотальной ревизии, которой подверглись все наши основные жизнеформирующие представления.

Избавляясь от давящих, слишком жестких представлений по всем самым важным вопросам (нет нужды их перечислять), мы думали, что устранием только содержание, одно лишь неадекватное наполнение конструкции, но, как оказывается, мы почти что демонтировали и сами конструкции тоже — и вместе с ними и пригодное для жизни ментально-психическое пространство.

Мы думали, что просто очистим старые мехи от давно скисших и испорченных вин и вольем в них новую божественную влагу, очищенную от всех ядовитых предрассудков прошлого, а оказалось, что сосуды разбиты, и нет больше никаких пригодных вместилищ: где-то ливни, цунами и потоки, где-то — засуха и запустение.

//

густота густота густота
пустота густота густота
густота густота пустота

густота густота

густота густота густота
густота пустота густота

густота густота густота
густота густота
густота густота густота

пустота

Свято место пусто не бывает — наши освободившиеся внутренние престолы без мига промедления поспешили занять рукотворные, внешне-технологические среды. Наше внутреннее пространство оказалось колонизировано, оно подверглось уплотнительному заселению и отдано под хозяйствственные нужды: в нем ведется безжалостная, жестокая, экстрактивная экономическая деятельность.

За расширенные возможности видения мы платим львиной долей собственного зрения. Подключенные к неусыпно пульсирующей и звенящей сети связи, мы выигрываем в связи, но теряем в связности и связанности — с собой, с предметами мысли, друг с другом. Не надеясь и не стремясь менять внешний мир, я задумываюсь о том, какая форма человеческого достоинства нам все еще доступна?

На что мы можем опереться внутри? О чем мы обязаны напоминать себе? Какие инструменты прошлого можно спасти и переприспособить к новым нуждам? Что остается от молитвы, если убрать из нее доктринальное содержание? Что остается от веры?

/

Не обязывает ничего:
Хочешь — не делай.
Не хочешь — делай.

И от личности не-твоей
Со временем ничего
Не должно остаться.

«Исправленному верить»-
голос выдуманный Отца -

И веришь.

Линия, которую я намечаю, — это линия, отражающая наше, как мне кажется, всеобщее (или мое собственное) состояние «без царя/отца в голове»: это не обращение к собственному семейному мифу, но обращение к пустому покинутому трону в широком смысле устройства нашей жизни в целом. Это речь, обращенная к этому месту и приходящая из этого места, из самой его возможности. Для меня это то место, которое способно помочь нам найти внутри себя пространство, делающее возможным мышление, место, где в единый сияющий сплав соединяются аналитическое, этическое и эстетическое.

/

дыхание переживай
как закат и восход
в море

нет верха
низа
души и тела

сияние и движение
есть

*

Я модулирую ситуации обращения к этой инстанции и сообщения, приходящие из нее — изнутри нас самих, поскольку на уровне структуры эта инстанция там обязательно есть, это она поддерживает в нас жизнь и веру в мир.

*

все будет хорошо

независимо от

усилия —

выведи из усилия силы:

проступит любовь

на пустом месте

*

Этими стихотворениями я стремлюсь сконструировать саму возможность такого внутреннего обращения и возможность услышать ответ: не от трансцендентного бога, но от тех опор, на которых держится наш разум, через которые проходят все сложные перипетии мысли, чувства и действия. Эти опоры так или иначе всегда есть: они могут быть лишь более или менее проявлены, здравствовать и стоять крепко или болеть, становиться все неразличимее и изнутри угрожать коллапсом, смертельным схлопыванием ментального пространства.

//

Посмотри на структуры свои,
прежде чем браться рушить.

Некоторые укрась цветами, свечами
благовониями и всякий раз, проходя,

целуй и благословляй их.

Там где ты видишь прутья тюремной решетки,
могут быть твоя шея и позвоночник.

В бесформии нет свободы.

Сейчас, когда в широком смысле внутренний престол опустел (оказался «освобожден») и когда на него сразу нашлось множество сомнительных претендентов, единственный способ обойтись с ним (ведь он есть) — это беречь его в его пустоте, как саму возможность структуры, пусть и без наполнения. Если мы не готовы променять дурное (догму) на худшее (хаос), нам следует сопротивляться захвату наших внутренних пространств, дать отпор тихому наступлению искусственного, производимого внутри нас *без-умия*, и для этого мы должны стать местоблюстителями опустевшего трона и содержать его в чистоте и пустоте.

Если не совершать этой внутренней работы созидающего сопротивления во имя человеческого достоинства, наше внутреннее пространство окончательно окажется одновременно плантацией и местом захоронения нематериальных, но немыслимых по своим объемам отходов (без)жизнедеятельности безымянного, нечеловеческого и бесчеловечного *нечто*, что превращает наши хрупкие ментальные миры в свои промышленные делянки.

Я верю, что мы можем этому противостоять: не обязательно идеями или революцией, но самим фактом (на)блудения опустевших престолов.